

«ACTION FRANÇAISE» ПРОТИВ ФРАНКО-РУССКОГО И ФРАНКО-СОВЕТСКОГО СОЮЗА: ВЗГЛЯД ЖАКА БЕНВИЛЯ

Главным направлением деятельности монархического движения «Action française» во все время его существования была борьба против Германии как «наследственного врага» Франции. Политическую линию движения определял его лидер и идеолог Шарль Моррас, ведущим внешнеполитическим аналитиком был Жак Бенвиль. Понимая, что Франция не может успешно бороться с Германией один на один из-за демографического дисбаланса, эти непримиримые германофобы тем не менее выступали против союза не только с большевистским СССР, но и с императорской Россией. Они были убеждены, что «германизированная до мозга костей» Россия «управляется немцами», поэтому союз с ней не усиливает Францию, не дает ей реальных гарантий помощи в случае нападения Германии, но может втянуть Францию в русско-германский конфликт в невыгодный для нее момент. В 1917 г. Бенвиль надеялся «сохранить от союза то, что можно сохранить, и не отказываться от двадцати пяти лет политики сотрудничества», но после Брестского мира призвал отказаться от «грез» о дальнейших перспективах союза с Россией. Поэтому он стал последовательным критиком поворота французской политики в сторону СССР после победы Левого блока на выборах 1932 г. Критикуя франко-советские пакты о ненападении (1932) и о взаимопомощи (1935), Бенвиль называл их «опасной авантюрой» и указывал на «проблематичность помощи со стороны Красной армии» из-за сложных отношений СССР с западными соседями — союзниками Франции.

Ключевые слова: «Action française»; Жак Бенвиль; Шарль Моррас; франко-русский союз; Германия; реванш; революция

Главным направлением внешнеполитической деятельности монархического движения «Action française» во все время его существования была борьба против Германии как «наследственного врага» Франции. Этапы этой борьбы: пропаганда реванша (возвращения Эльзаса и Лотарингии) до Первой мировой войны, «священное единение» в годы войны, требование расчленить Германскую империю сразу после ее окончания, осуждение Версальского договора как слишком мягкого в отношении Германии, поддержка экс-

пансионистской политики (оккупация левого берега Рейна и поощрение сепаратизма, интервенция в Рур) и критика отказа от нее, предупреждения об опасности национал-социализма, кампания за перевооружение, борьба против идеологически мотивированного конфликта с Рейхом, в котором Франция была обречена на поражение, поддержка военных усилий после объявления войны, — исследованы [1; 2]. Политическую линию движения определял его лидер и главный идеолог Шарль Моррас (1868–1952). Ведущим внешнеполитическим аналитиком движения и его одноименной ежедневной газеты, выходившей в 1908–1944 гг. (называем ее *L'AF*, чтобы не смешивать с движением), был его верный последователь Жак Бенвиль (1879–1936). «Ни единого раза Моррас и наши учителя, — вспоминал бывший активист «Action française» Анри Шарбонно, — не допускали возможности союза или примирения с Германией, даже побежденной. Все подобные попытки высмеивались или объявлялись изменническими! Ни один немец не заслуживает доверия! А к тем, кто верил в “хорошую Германию” и проявлял некоторый пацифизм после чудовищного убийства многих миллионов человек (и с каким результатом?), относились как к идиотам и преступникам» [6, р. 80–81].

Успешно бороться с Германией один на один Франция не могла хотя бы из-за демографического дисбаланса. Значит, ей требовались союзники. Почему же Моррас и Бенвиль выступали против союза не только с большевистским СССР, но и с императорской Россией?

Излагая в 1945 г. этапы своей политической эволюции, Моррас остановился на «союзе с Россией, который все наши дурни считали направленным против Германии и который, напротив, работал в ее пользу» [7, р. 72]. За сорок лет до этого он признавал, что «патриоты и буланжисты (к которым он сам принадлежал — В.М.) страстно желали союза с Россией, полагая, что Россия, наконец, даст нам возможность вновь появиться на Рейне» [8, р. 14]. Однако фанатичный германофоб не мог простить Петербургу «заигрываний» с Берлином в 1880–1890-е годы, которым дал такое объяснение: «Россия более не видит в Германии ни наследственного врага, ни врага по обстоятельствам. Германизированная до мозга костей,

управляемая немцами, Россия никогда первой не порвет с Берлином. Для наших союзников антигерманизм был лишь чувством; он если и царил у них, то не господствовал над ними» [8, р. 15–16]. Считая Россию «менее цивилизованной страной», но имеющей «менее несовершенную политическую организацию» (монархию) и «неисчерпаемые ресурсы населения и территории», Моррас согласился бы видеть Францию ее «учителем и советчиком». Однако ненавистная ему «неустойчивая и анархическая французская демократия», заключившая союз ради узкополитических интересов, уготовила Франции «недостойную роль сателлита царя» [8, р. 17].

«Мирный» франко-русский союз не способствовал реваншу, не усиливал Францию, не давал ей гарантий помощи в случае нападения Германии (эффективность дипломатического вмешательства Моррас оценивал скептически), зато мог втянуть Францию в конфликт между Россией и Германией в невыгодный для нее момент. После поездки в Грецию в 1896 г. Моррас также отметил, «какой вред нанес нам союз с Россией на всем греческом, латинском и даже турецком Востоке» [7, р. 73]. После Фашодского кризиса 1898 г. он не видел в Великобритании перспективного союзника в борьбе против Германии. Эта позиция, сформировавшаяся в конце 1890-х годов, оказала определяющее влияние на сложившуюся тогда же общеполитическую позицию Бенвиля, фанатичного германофоба, но знатока политики, истории и культуры Германии.

В качестве обозревателя *L'AF* Бенвиль периодически писал о России. Комментируя 30 июля 1908 г. отклики прессы на встречу президента К. А. Фальера, сторонника укрепления франко-русского союза и противника войны с Германией, с императором Николаем II, Бенвиль признал ослабление позиций обоих партнеров: Франции — в результате «дела Дрейфуса» (в котором Моррас видел также британскую интригу) и уступок Германии во время Танжерского кризиса 1905 г.; России — в результате войны с Японией и смуты 1905–1907 гг. Приведя слова из «*Le Temps*»: «Союзы ничего не дают, если заключены между беспомощными», — Бенвиль назвал слово «беспомощность» «слишком сильным», но добавил: «Если Франция ослаблена, мы знаем, кто в этом виноват» [5, р. 1–4].

В годы Первой мировой войны Бенвиль по понятным причинам оценивал франко-русский союз положительно, но без восторгов. В начале 1916 г. он принял предложение правительства съездить в Россию с неофициальной миссией и написал о ней цикл очерков (этот сюжет достоин отдельного исследования). Личные впечатления, возможно, стояли и за откликом на отречение Николая II, последствия которого Бенвиль оценил не сразу: «Россия, на восемьдесят лет отставшая от остальной Европы, устроила полуреволюцию больше в стиле 1830 г., чем 1789 г. <...> При регентстве, по крайней мере, главное останется в безопасности, и Россия будет защищена от худшей из бед — возвращения славянской анархии, примеров которой история явила нам так много. <...> Германия, рассчитывавшая на революцию в России как на одну из карт в игре, увидит свои расчеты опрокинутыми, если события пойдут тем путем, на который указывают петроградские дни» (17 марта 1917) [5, р. 5–8]. Бенвиль питал иллюзии о возможном оздоровлении монархии путем «обновления договора династии с русским народом» (23 марта 1917) [5, р. 9–10], о «новом повороте борьбы между национальным духом и немецкими влияниями» (20 и 27 апреля 1917) [5, р. 15, 16–17], хотя и цитировал слова Морраса о «германизированной» России. Во Временном правительстве он хотел видеть «людей доброй воли, пытающихся действовать в соответствии со своими доктринами» и верящих в «патриотизм и разум русского народа» (12 мая 1917) [5, р. 22].

Рост антивоенных настроений и влияния «крайне левых», за которыми виделась тень кайзера, заставлял думать о дальнейшей судьбе союза. «Если представить (не дай Бог!) республику в России, — писал Моррас еще 1 мая 1916 г., — ее ориентация будет куда более прогерманской, чем у монархии» [9, р. 28]. Отвечая в конце мая 1917 г. на вопросы газеты «Русское слово», он назвал «очень приятной» возможность «установить отношения с нашими союзниками русскими республиканцами», однако посвятил ответ прославлению французской монархии [10, р. 305–321]. В то же время Бенвиль, уверяя читателей, что Россия верна союзу, сделал акцент на разности их целей в войне: «Куда направлены интересы и чувства России? Не прямо против Германии, как наши» (8 июня

1917) [5, р. 26–30]. Читатели *L'AF* понимали, о чем речь. Даже после большевистского переворота, оцененного им как «торжество анархии и пораженчества», Бенвиль призывал «сохранить от союза то, что можно сохранить, и не отказываться от двадцати пяти лет политики сотрудничества» перед лицом общего врага, хотя напомнил о своем всегдашнем скептицизме в отношении «брака по любви с Россией» и о необходимости следовать «принципу наименьшего зла» (23 ноября 1917) [5, р. 33–37].

Брестский мир окончательно похоронил союз и, казалось, подтвердил тезис Моррасса об «управляемой немцами» России. Бенвиль видел в этом подтверждение правильности своего скепсиса в отношении союза с ней. «Порядок для русских — германский, и представлен он Вильгельмом II. Антанта представляет одновременно войну и демократию» (5 июля 1918) [5, р. 40–44]. Он пессимистически оценивал перспективы «союзной» интервенции, явно искажая ситуацию: «До сих пор ни одно по-настоящему серьезное русское движение не восстало против Ленина и не попросило нашей помощи. С другой стороны, правительство Ленина относится к нам, как к врагу. <...> Когда Россия выварится в собственном большевистском соку, тогда и посмотрим, что там произойдет» (10 декабря 1918) [5, р. 49–51].

В соответствии с господствовавшим во Франции мнением, Бенвиль сделал вывод, что в результате большевистского переворота «Россия вернулась к своим восточным истокам», т.е. ушла из Европы, заметив: «Россия сложнее, чем принято думать, и фанатизм может принять там непредсказуемые формы. Чтобы использовать во благо эту человеческую массу, ее надо понимать и знать» (16 января 1919) [5, р. 52–54]. Бенвиль на знание и понимание претендовал: «Возрождение России не облегчит нашу политику на Востоке. Об этом следует подумать прежде, чем вернуться к грезам о прелестях франко-русского союза» (19 июня 1919) [5, р. 57–59]. «Дружественная и союзная Россия далеко, — писал он 9 сентября 1920 г. — Сейчас она в Крыму с Врангелем. <...> Мы никогда ничего не организуем в Европе, если не сможем оставить первую любовь Третьей Республики», т.е. франко-русский союз (9 сентября 1920) [5, р. 75–77]. Более реальной и особенно опасной для Фран-

ции представлялась Бенвилю перспектива советско-германского союза, закреплённого Рапалльским договором, который вызвал настоящий переполох во Франции (18 мая 1922) [5, р. 80–82]. «Союз с Россией остаётся для Германии козырной картой на будущее», — отметил он, подводя итоги десятилетнего пребывания большевиков у власти (11 ноября 1927) [5, р. 103–105].

Бенвиль продолжал следить за событиями в СССР: откликнулся на XII съезд РКП(б), впервые проходивший в отсутствие Ленина (1 июня 1923) [5, р. 83–84]; на смерть Ленина, «навязавшего России коммунизм, как Пётр Великий навязал ей европейскую цивилизацию, — с помощью палача» (23 января 1924) [5, р. 85–86], и «выдающегося фанатика» Дзержинского (24 июля 1926) [5, р. 89–91]; на интервью «рenegата европейской цивилизации» [5, р. 81] Чичерина французским журналистам (17 декабря 1925) [5, р. 87–88]; на заявления оппозиции (20 октября 1926) [5, р. 92–93] и поражение Троцкого в борьбе со Сталиным (13 ноября 1927) [5, р. 106–107] и т.д. Говоря об «уступках буржуазным идеям, на которые пришлось пойти Сталину», Бенвиль отметил его умение «примирять доктрину с жизненной необходимостью» (7 октября 1931) [5, р. 128–130].

Новый разворот французской внешней политики в сторону Москвы начался с победой «левых» на парламентских выборах 1932 г. Правительство Эдуара Эррио, апологета франко-советского союза, 29 ноября 1932 г. заключило с СССР пакт о ненападении сроком на два года. Дополнительным аргументом в его пользу мог служить приход Гитлера к власти в январе 1933 г., однако Бенвиль, предсказавший это событие, уже 23 февраля заявил, что «немного даст за новый союз» [5, р. 134–135]. «Мировая революция, коммунистическая пропаганда, красная угроза в колониях — нельзя делать вид, будто этих ужасов никогда не было», — напомнил он 15 декабря 1934 г., в разгар обсуждения нового договора с СССР. И добавил: «Чтобы союз был прочным, он должен основываться на соответствии интересов, которое не зависит от текущего момента. Союз должен быть постоянным — или его нет» [5, р. 136–138].

«Сегодня, как и вчера, политические интересы Франции и России требуют объединения их сил, чтобы сдержать воинственную

и алчную Германию», — заявил 2 декабря 1935 г. видный либерал Эмиль Бюре (цит. по [3, с. 739]). «Будут ли Советы воевать за нас? Будем ли мы воевать за Советы? Вот вопросы, причем самые важные», — подчеркнул Бенвиль еще 12 февраля 1935 г., напомнив об «изменах» союзницы при Людовике XV, Наполеоне и во время Брестского мира [5, р. 139–140]. Он называл договор с СССР «опасной авантюрой» (14 апреля 1935) [5, р. 143], «опасным союзом, чреватым сюрпризами и взрывами» (11 декабря 1935) [5, р. 154–155]. Сторонники альянса говорили о его военном значении для Франции. Бенвиль парировал это указанием на «проблематичность помощи со стороны Красной армии <...> в случае угрозы» из-за сложных отношений Москвы со своими западными соседями — союзниками Франции (30 ноября 1935) [5, р. 152–153] и на отсутствие границы между Германией и СССР (26 января 1936) [5, р. 160–161].

Откликаясь на подписание пакта о взаимопомощи 2 мая 1935 г. Бенвиль отметил, что «союз с Россией возобновляется с вечными романтическими иллюзиями, которые последовательно принимают все те же формы и идут тем же ходом», хотя «коммунистическая революция победила не в стране Бориса Годунова и Анны Карениной» (Борис Годунов здесь скорее оперный, чем исторический). И добавил: «Французы знают Советскую Россию так же плохо, как знали царскую. В этом неведении есть привлекательность, и с ней ничего не поделать» [5, р. 144–145]). Затем он выступил против ратификации пакта: «Мы не имеем права забывать, что война 1914 г. пришла к нам под предлогом союза с Россией и уловок Сербии. Природа нового союза такова, что он чреват прямым вовлечением нас в конфликт не только между германизмом и славизмом, но между коммунизмом и гитлеровским национализмом» (14 ноября 1935) [5, р. 148–150].

«Гитлер хочет бросить нас против Сталина, а Сталин против Гитлера. Диктаторы оспаривают Францию друг у друга», — суммировал Бенвиль 23 ноября 1935 г. [5, р. 151]. Еще 28 апреля 1935 г. Моррас предупреждал: «Гитлеровские интриги гораздо опаснее советских. Советы могут создать революционную ситуацию. Гитлер готовит методичную варваризацию всей Европы. — Но Гитлер

«правый»! (говорит воображаемый собеседник — В.М.). — Дитя! Гитлер — немец! Гитлер — такой же «правый», как тот персонаж двухтысячелетней давности, которого латинский историк называл Арминий и который носил имя Герман. Дикарь? Варвар? Нет: архетипическое воплощение дикости и варварства. <...> Мы можем наблюдать гитлеровских посланцев в лучшем обществе, рассказывающих о немецком диктаторе как о естественном защитнике прав, чувств, интересов, идей порядка, прогресса, общественного блага. <...> Однако под именем Гитлера нам несут не порядок <...> но лишь саму Германию и вечный германизм» (цит. по [4, р. 187]).

Реакция Берлина на франко-советский пакт была ожидаемой. Нотой от 25 мая 1935 г. правительство объявило его направленным против Германии и противоречащим Локарнским соглашениям 1925 г., приверженность которым при этом подтвердило. 21 ноября Гитлер в беседе с послом Андре Франсуа-Понсэ заявил, что не просто видит во франко-советском договоре «военный союз, направленный против его страны», но что «Россия представляет опасность для Европы; она не является европейской страной, она думает только о разрушении Европы» (цит. по [3, р. 735]).

«Гитлер дал понять, что, заключив союз с Советами, Франция закроет путь к согласию с Германией, — писал Бенвиль 2 января 1936 г. — Мы не спрашиваем его совета, подписывать нам пакт с СССР или нет. Это касается только нас» [5, р. 158]. Сторонников союза с Германией во Франции было мало в отличие от сторонников сотрудничества с ней ради поддержания мира и безопасности в Европе. Идеи Бриана оживали в выступлениях его последователей Фернана де Бринона, Жоржа Сюареса, Жана Лушера — оппонентов «Action française» и будущих коллаборантов времен оккупации. «Русский альянс и германский альянс в равной степени достойны того достославного персонажа, который, спасаясь от ливня, бросился в реку», — суммировал Бенвиль [5, р. 159]. Заглавие статьи, откуда взяты эти слова, «Не выбирать между двумя альянсами» можно считать его завещанием и лозунгом «Action française».

Жак Бенвиль умер 9 февраля 1936 г. после тяжелой болезни, до последних дней продолжая комментировать внешнеполитические события и выступать против франко-советского союза.

В предисловии к посмертному сборнику его статей «Россия и восточный барьер» (1937) бывший посол в Румынии и Великобритании граф де Сен-Олер, похвалив «здравый смысл» и «прозорливость» автора, особо отметил его аргументы против «шутовства франко-советского пакта, который ужасен не только сам по себе, но и потому что отдалил от нас наших лучших друзей в Восточной Европе. Противоестественный союз разрушил наши естественные союзы» [5, р. X] со странами Малой Антанты.

Критикуя противников франко-советского союза, апологеты нового «сердечного согласия» пытались представить их «фашистами», играющими на руку Германии. Возможно, к кому-то это применимо, но точно не к непримиримым германофобам из «Action française», начиная с Морраса и Бенвиля.

Список литературы

1. Молодяков В. Шарль Моррас и «Action française» против Германии: от кайзера до Гитлера. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2020. 304 с.
2. Молодяков В. Шарль Моррас и «Action française» против Третьего Рейха. СПб.: Нестор-История, 2021. 342 с.
3. Эррио Э. Из прошлого. Между двумя войнами. 1914–1936. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1958. 772 с.
4. Algoud F.-M. Actualité et présence de Charles Maurras. T. III. <Chiré:> Éditions de Chiré, 2008. 484 p.
5. Bainville J. La Russie et la Barrière de l'Est. Paris: Plon, 1937. 294 p.
6. Charbonneau H. Les mémoires de Porthos. Paris: Les éditions du clan, 1967. 459 p.
7. Charles Maurras et Maurice Pujo devant la Cour de Justice du Rhône. N.p.: Verités françaises, 1945. 679 p.
8. Maurras Ch. Kiel et Tanger. 1895–1905. La République Française devant l'Europe. Paris: Nouvelle Librairie Nationale, 1910. 347 p.
9. Maurras Ch. Les chefs socialistes pendant la guerre. Paris: Nouvelle Librairie Nationale, 1918. 320 p.
10. Maurras Ch. Devant l'Allemagne éternelle. Gaulois, Germains, Latins. Chronique d'une Résistance. Paris: Éditions A l'Étoile, 1937. 400 p.

Vassili E. Molodiakov,

LL.D. (Political Science), Ph.D. (History), Professor, Takushoku University, Tokyo, Japan

«ACTION FRANÇAISE» AGAINST THE FRANCO-RUSSIAN AND FRANCO-SOVIET ALLIANCE: THE CASE OF JACQUES BAINVILLE

The main direction of the political activity of the French monarchist movement “Action française” throughout its existence was the struggle against Germany as the “hereditary enemy” of France. The political course of the movement was determined by its leader and ideologue Charles Maurras; its leading foreign policy analyst was Jacques Bainville. Realizing that France could not successfully fight Germany one-on-one because of the demographic imbalance, these irreconcilable Germanophobes nevertheless opposed an alliance not only with the Bolshevik USSR, but also with Imperial Russia. They were convinced that “Germanized to the core” Russia is “controlled by the Germans,” so an alliance with it does not strengthen France, does not give her real guarantees of assistance in the event of a German attack, but can draw France into the Russian-German conflict at an unfavorable moment for her. In 1917, Bainville still hoped to “preserve what can be preserved from the alliance and not abandon twenty-five years of a policy of cooperation,” but after the Treaty of Brest-Litovsk of 1918 called for abandoning “dreams” about the future prospects of an alliance with Russia. Therefore, Bainville became one of the most consistent critics of the new turn of French policy towards the USSR after the victory of the Left Bloc in the elections in 1932. Criticizing the Franco-Soviet Non-Aggression Pact (1932) and the Franco-Soviet Treaty of Mutual Assistance (1935), Bainville called them “dangerous adventures” and pointed to the “problematic assistance from the Red Army” due to the difficult relations of the USSR with its western neighbors — allies of France.

Keywords: «Action française», Jacques Bainville, Charles Maurras, Franco-Russian alliance, Germany, revanche, revolution